

Д. В. Шмуратко

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ХАРИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО ДАННЫМ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В статье приведены результаты кластерного анализа 34 приуральских могильников периода Великого переселения народов. По результатам анализа автор выстраивает векторы этнокультурных проникновений рассматриваемых культур с целью ответа на вопрос о происхождении харинских курганных комплексов. Проведя верификацию предположений о культурной преемственности харинских курганов, автор приходит к выводу об их позднесарматском происхождении.

Ключевые слова: памятники харинского типа, Прикамье, курганы, кластерный анализ, великое переселение народов.

Великое Переселение народов (ВПН) является самым крупномасштабным миграционным процессом эпохи раннего средневековья. Подобные явления случаются в человеческой истории не так часто, но их последствия оказываются весьма ощутимыми. Можно говорить о том, что эпоха ВПН заново переключила этническую карту Евразии.

Процессы этнокультурных трансформаций не обошли и территорию Прикамья, хотя заявлять о том, что Прикамье было одной из арен ВПН, было бы не совсем верно. В отношении изучаемой территории есть смысл говорить лишь о некоторых (пусть и весьма существенных) влияниях. С эпохой переселения связывают появление на территории Прикамья нового, ранее неизвестного курганного обряда захоронения.

Для лесной и лесостепной полосы курганные комплексы не совсем типичны, их появление является ярким свидетельством проникновения в регион новых культурных традиций, связанных с кочевым миром Евразийских степей. Еще в начале XX в. А. В. Шмидт выделил эти памятники в особую группу – «харинский тип»¹, название типу дал одноименный могильник у с. Харино в Гайнском районе Пермского края, где были исследованы первые курганы. С этих пор вопрос об их историко-культурной интерпретации стал одним из актуальнейших для уральской археологии. Его решение проливает свет на проблему этнокультурной доминанты региона, направления культурных связей, вопроса генезиса современных народов Прикамья.

К началу XXI в. вопрос об истоках происхождения в Прикамье курганного погребаль-

ного обряда так и не был решен однозначно. Предшествующие исследователи высказали около десятка предположений. Практически все территориально близкие к Прикамскому региону культуры, так или иначе, попали под «подозрение»: неволинская, именьковская, саргатская, бахмутинская (Р. Д. Голдина²), мазунинская (Т. И. Останина³), пьяноборская (Ю. А. Поляков⁴), турбаслинская, «тураевская» (Ф. А. Сунгатов⁵) и пр.

С целью верификации высказанных предположений автор обратился к инструментарию математической статистики. Созданная по материалам раскопок погребальных памятников раннесредневековых культур Приуралья база данных, представляющая собой прямоугольную матрицу, в которой строки – это отдельные объекты (закрытые комплексы, захоронения), а столбцы – признаки погребального обряда, была подвержена процедуре многомерной классификации посредством кластерного анализа.

Первоначальная гипотеза исследования опирается на предположение о том, что близкие в культурном отношении погребальные памятники должны по результатам статистической классификации быть отнесены к одному кластеру.

В базу данных были включены опубликованные материалы 34 некрополей, 12 археологических культур и культурных типов, хронологически укладывающихся в период раннего средневековья (II–VII вв. н. э.), в том числе памятники «харинского типа», а также те, с которыми предшествующие исследователи пытались связывать генезис харинских курганов.

Объектами базы данных стали:

- памятники «харинского типа» (195 комплексов): Бурково, Митино, Чазево I, Чазево II;
- неволинская культура (267 комплексов): Верх-Сая, Броды, Кляповский;
- памятники «тураевского типа» (129 комплексов): Тураево, Старая-Мушта;
- мазунинская культура (272 комплекса): Мазунино, Ижевский, Старо-Кабаново;
- бахмутинская культура (206 комплексов): Бирский;
- азелинская культура⁶ (51 комплекс): Азелино, Суворово;
- саргатская культура (34 комплекса): Савинский, Красный Борок, Калачевка, Тютринский;
- именьковская культура (138 комплексов): Рождественский, Богородицкий II;
- турбаслинская культура (79 комплексов): Ново-Турбаслы, Уфимский;
- памятники «салиховского типа» (59 комплексов): Ахмеровский II, Салиховский;
- позднесарматская культура (51 комплекс): Уязыбашевский, Комсомольский IV, Альмухаметовский, Сибайский II, Бекешевский III, Кара-Тал I, Барышников, Темясовский⁷;
- пьяноборская общность (144 комплекса): Красноярский могильник.

Общий объем совокупной выборки составил 1625 погребальных комплексов. Все перечисленные объекты были описаны бинарным кодом по 142 заранее определенным признакам, включающим в себя характеристики погребального обряда и сопровождающего инвентаря.

С целью снятия статистического шума, вносимого многообразием признаков, а также для оценки уровня однородности (информативности) признаков был рассчитан коэффициент энтропии⁸. Признак признавался информативным, если его коэффициент энтропии был равен или выше 0,2⁹. Таких признаков оказалось 39.

На следующем этапе для всех информативных признаков были вычислены частоты (относительные частоты). Полученные в результате расчетов данные иллюстрируют процент присутствия каждого конкретного признака на могильнике¹⁰.

По результатам расчетов относительной частоты была проведена многомерная классификация анализируемых памятников. Классификация осуществлялась посредством

иерархического кластерного анализа¹¹. Анализ проводился в статистическом пакете для социологических исследований (SPSS 13.0). Алгоритмом кластеризации был выбран метод внутригрупповой связи Between-groups linkage (Связь между группами). В качестве метрики использован квадрат евклидова расстояния¹².

При анализе полученной в ходе кластерного анализа дендрограммы выделялись кластеры и их группы. Погребальные памятники, вошедшие в один кластер, согласно принятой гипотезе, признавались родственными (похожими). Сходство погребального обряда могильников интерпретировалось как единство религиозно-мифологического, духовного, а, следовательно, и культурного поля населения, которому эти памятники принадлежали¹³.

В результате проведенного кластерного анализа было выявлено 5 кластеров (см. рисунок).

I кластер «харино-салиховский»: Салиховский, Ахмеровский II, Барышниковский, Бродовский, Старо-Муштинский, Бурковский, Митинский, Чазевский I и II могильники.

II кластер «сармато-турбаслинский»: Кара-Тал I, Комсомольский IV, Темясовский, Уязыбашевский Ново-Турбаслинский, Уфимский, Бекешевский III, Сибайский II, Альмухаметовский могильники.

III кластер «саргатский»: могильники Калачевка, Красный Борок, Тютринский, Савинский.

IV кластер «именьковский»: Рождественский и Богородицкий II могильники.

V кластер «постпьяноборско-тураевский»: Азелинский, Суворовский, Старо-Кабановский, Ижевский, Кляповский, Бирский, Верх-Саинский, Красноярский, Мазунинский, Тураевский могильники.

Анализ структуры взаимосвязей кластеров позволил говорить о существовании двух культурных секвенций, к первой принадлежат кластеры I, II, III, ко второй – IV и V.

Под секвенцией понимается ряд археологических культур, преемственно связанных вне зависимости от их территориального взаиморасположения или соседства. Именно в секвенциях отражены русла, по которым происходил реальный совокупный процесс культурного развития¹⁴.

Возникновение памятников «харинского типа» является результатом этнокультурных контактов в рамках первой секвенции, остановимся на ее интерпретации подробней.

I кластер – «харино-салиховский».

Первый кластер связал в единую схему памятники «салиховского» типа, позднесарматский могильник у хутора Барышникова, неволинский могильник Броды, памятник тураевского типа Старую-Мушту и харинские некрополи Верхней Камы.

Абсолютное сходство Салиховского и Ахмеровского II могильников однозначно говорит об их однокультурности, а их тяготение к могильнику у хутора Барышникова недвусмысленно указывает на сарматскую культурную принадлежность. Мысль о том, что памятники «салиховского» типа оставлены частью поздних сармат¹⁵, отступивших в Южное Приуралье и влившихся в среду местного лесостепного населения, неоднократно высказывалась в литературе¹⁶. Необходимо подчеркнуть, что исследователь Ахмеровского II могильника С. М. Васюткин, доказывая позднесарматскую принадлежность раскопанного им памятника, обращался в том числе и к материалам могильника у хутора Барышникова, сарматская принадлежность которого общепризнанна¹⁷.

Интересно отметить, что Барышниковский могильник, являясь позднесарматским памятником, продемонстрировал автономное по отношению к основному «сарматскому» ядру положение. Этот факт может быть объяснен особой хронологической и территориальной локализацией рассматриваемого памятника. Могильник у хутора Барышникова является одним из самых поздних позднесарматских памятников и датируется временем, когда политическое господство сармат в Заволжско-Уральских степях уже прекратилось, а это период не ранее IV–V вв.¹⁸, и к тому же принадлежит Оренбургской группе сарматских памятников, тогда как основной кластер составили памятники с территории Южной Башкирии. Вероятно, Барышниково, точно так же как могильники салиховского типа, не «чистый» позднесарматский памятник, а испытавший серьезное местное влияние¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что сближая «салиховские» памятники с могильником у хутора Барышникова, мы говорим только об их культурном сопряжении, но никак не о хронологической близости, Ахмеровский II и Салиховский могильники относятся чуть к более раннему времени, чем Барышниково²⁰.

Возможно, именно миграцией позднесарматского населения объясняется появление

и таких памятников, как Старо-Муштинский могильник в Башкирии и Бродовский могильник в Сылвенско-Иренском поречье. О позднесарматском облике материальной культуры Старо-Муштинского могильника писали сами авторы раскопок, но антрополог Р. М. Юсупов при этом подчеркивал, что мужские черепа из Старо-Муштинского могильника отличаются от черепов с территории степного Башкирского Зауралья (могильник Кара-Тал)²¹. В материалах Старо-Муштинского могильника прослеживается очень сильный местный компонент.

Связь Старо-Муштинского могильника с Бродовским также не видится странной, на обоих памятниках обнаружены предметы позднесарматского облика. Часть материалов бродовских погребений находит аналогии в материалах Южной Башкирии (Темясовский курган позднесарматского времени), памятниках гото-сарматского типа степной полосы Евразии²². Элементы поясной гарнитуры (пряжки, наконечники ремней) Бродовского и Старо-Муштинского могильников действительно схожи²³. Хотя хронологически Старая-Мушта стоит несколько раньше Бродов²⁴.

Возможно Старая-Мушта и Броды – это одни из самых ранних памятников, которые ощутили на себе влияние позднесарматской миграции. Их генезис исследователи связывают с событиями 370–375 гг., т. е. со временем появления гуннов в Европе, воинственность которых заставила многие племена (в том числе и алано-сарматские) покинуть места своего обитания и отступить в северные лесостепные и лесные районы²⁵.

Следует вспомнить, что мысль о сарматской миграции в Верхнее Прикамье впервые была высказана еще А. П. Смирновым²⁶. Недавно эту точку зрения вновь озвучил Ф. В. Овчинников. Исследователь, анализируя харинскую полихромную поясную гарнитуру, пришел к выводу о том, что возможно именно с «событиями вытеснения “иранских” племен с исторической арены» связано появление в Приуралье памятников харинского типа в конце IV – начале V в., где в труднодоступных лесных районах до конца VI в. сохраняются отголоски стиля Варна – Кара-Агач. Так, наиболее ранние харинские комплексы, представляющие культуру первых харинских переселенцев, посредством перекрестных аналогий напрямую связаны с кругом позднесарматских древностей конца

IV в. (Брюханово, Тугозвоново)»²⁷. Отчасти сарматское присутствие в Верхнекамском регионе фиксируется и по данным антропологии. М. С. Акимова **обнаружила на могильнике Митино**, относящемся к косинской группе памятников «харинского типа», 4 черепа со следами искусственной деформации, причем три из них являются женскими²⁸. Последний факт свидетельствует о том, что в миграции принимали участие не только мужчины-воины.

Любопытно отметить то, что «харинские» некрополи вошли в кластер не единой плеядой, а как бы нанизываясь один на другой, по следующей схеме: Бурково – Митино – Чазево II – Чазево I. Данная картина является очередным доказательством миграционного происхождения данных памятников.

Исследователь харинского культурного феномена В. В. Мингалев отмечает, что в процессе миграции всегда идут изменения. Миграция сопровождается постоянным культурогенезом. В процессе переселения происходит накопление и включение инокультурных компонентов как в культуру самих мигрантов, так и в культуру общества их принимающего²⁹. В ходе миграции культура переселенцев просто не может остаться неизменной, процессы ассимиляции и адаптации, так или иначе, но будут вносить свои постоянные корректировки. Именно поэтому «харинские» комплексы в процессе статистической обработки не соединились в единое «облако», т. к., по сути, каждый из них – это иллюстрация отдельного этапа миграции; сохраняя определенные общие черты с предыдущим этапом, каждый памятник «харинского типа» несет в себе особые специфические нововключения, что отчетливо прослеживается по дендрограмме. Таким образом, нет оснований исключать из харинского культурогенеза и традицию местных племен, которые сыграли роль вмещающего «этноса».

Указанный вектор миграции неплохо соотносится и с хронологией памятников: Салиховский, Ахмеровский II могильники («отправная точка» миграции) – III–V вв., Бродовский, Старомуштинский некрополи (памятники, одними из первых испытавшие влияние мигрантов) – IV–VI вв., Бурковский могильник (харинский памятник туйско-гаревской группы) – V–VI вв., Митинский, Чазевский I, Чазевский II (харинские курганы гайнской группы) – VI–VII вв.³⁰

II кластер «сармато-турбаслинский».

Вхождение в единый кластер позднесарматских памятников Южной Башкирии и некрополей турбаслинской культуры не противоречит исторической логике, а лишний раз подтверждает высказанное в свое время Н. А. Мажитовым предположение о сармато-аланском происхождении памятников типа Ново-Турбаслинского и Уфимского могильников³¹. Внутренняя структура кластера, имеющего два ядра: «позднесарматский» (Кара-Тал I, Комсомольский IV, Темясовский) и «турбаслинский» (Ново-Турбаслы, Уфимский), свидетельствует об объективности выделения памятников турбаслинского круга в отдельную археологическую культуру, тесно связанную с позднесарматскими древностями Южной Башкирии.

III кластер «саргатский».

Кластер образован исключительно памятниками саргатской культуры Западной Сибири. Степень сопряжения объектов в кластере в данном случае невысокая: ядро образовано на расстоянии близости равном 10, завершение формирования кластера произошло на уровне 18. Подобная картина может быть объяснена территориальным разбросом памятников, так, между могильниками Калачевка и Красный Борок, образовавших ядро кластера, более 600 км. К тому же следует учесть объективную ограниченность анализируемой выборки, процент саргатских памятников в общем массиве составил всего 2,1 %, но, несмотря на это, саргатские объекты не затерялись в десятки раз превосходящем их объеме информации, а четко выкристаллизовались в самостоятельный кластер. Это свидетельствует об их объективной близости, которая может трактоваться только как принадлежность к одной культуре. Возможно, если бы выборка была многочисленнее, формирование «саргатского» кластера прошло бы на более близком расстоянии.

После того как нами были интерпретированы результаты «харино-салиховского», «сармато-турбаслинского» и «саргатского» кластеров, мы можем попытаться свести их в единую схему в рамках одной культурной секвенции. Механизм возникновения харинских курганов реконструируется следующим образом. В его основе лежат два культурных основания: позднесарматское и саргатское, влияющие на местную Верхнекамскую традицию при участии «культурных ме-

диаторов». Посредниками трансмиссии доминирующей позднесарматской традиции являются памятники «салиховского» типа, которые сохранили в себе основные позднесарматские элементы, но при этом обрели и некое своеобразие. Переработанная ими позднесарматская традиция и станет первым кирпичиком в культуре харинского населения. При этом не хотелось бы полностью снимать со счета и Зауральское влияние, во-первых, потому, что саргатская культура, как считают Л. Н. Корякова и Н. П. Матвеева, является многокомпонентной и присутствие в ней сармато-аланских элементов не исключается³². На памятниках Верхнего Прикамья фиксируется сарматский компонент, но его проникновение могло осуществиться и через зауральский канал. Во-вторых, думается, что контакты между Зауральскими племенами и обитателями Азиатской Сарматии были достаточно интенсивными, вследствие чего саргатская и сарматская традиции, по сути, являются культурами одного порядка.

Подводя итог, отметим, что в результате математической верификации рассмотренных точек зрения на генезис памятников «харинского типа» только теория А. П. Смирнова о позднесарматской миграции в Прикамье получила явное статистическое подтверждение. Памятники «харинского типа» продемонстрировали сопряжение с материалами салиховских и ахмеровских курганов, а последние в свою очередь обозначили тяготение к позднесарматской традиции. Общими для данной группы памятников стали такие признаки, как подкурганное захоронение, узкие могильные ямы, преобладание северного сектора ориентировки погребенных, остатки деревянных внутримогильных сооружений, находки костей животных в могилах, наличие деформированных черепов. Промежуточное положение между «позднесарматским» и «харинским» ядром занимают Бродовский и Старо-Муштинский могильники, в захоронениях которых также читается позднесарматское присутствие, а в отношении Старо-Муштинского некрополя и довольно мощный местный компонент. Материал Старо-Муштинского могильника позволил антропологу Р. М. Юсупову утверждать, что погребенные являются потомками местных приуральских сарматских племен конца I тыс. до н. э., в силу исторических причин осевших в среде более северного лесного населения. Особого внимания заслуживает

находка на могильнике черепа со следами искусственной деформации, что является пусть и не однозначным, но достаточно красноречивым аргументом в пользу сарматского происхождения рассматриваемых материалов³³. Кроме того, на всех указанных памятниках встречены находки так называемых калачиковидных височных подвесок, которые, по мнению исследователей, наряду с дольными ножами, ножнами, скрепленными медными пластинами с рядом полукруглых головок штифтов вдоль одной стороны, коробочными наконечниками ремней, янтарными красными крупными бусами являются маркирующими вещами харинского культурного типа. Самые ранние из калачиковидных подвесок происходят из материалов позднесарматского Салиховского могильника (V в.), затем ареал их распространения сдвигается к северу, верхнекамские аналоги датируются периодом не ранее VI–VII вв.³⁴

Хотелось подчеркнуть, что из всех рассмотренных теорий только гипотеза А. П. Смирнова полностью согласуется с общеисторической ситуацией в регионе (миграцией гуннов в конце IV в. и вытеснением сармато-аланских племен с занимаемых ими территорий в лесные и лесостепные районы). Археологическим подтверждением данной гипотезы является тот факт, что среди сармато-аланских древностей Нижнего Поволжья и Подонья до сих пор не удается выделить погребальные комплексы, которые можно было бы твердо датировать второй половиной IV в.³⁵, в то время как в лесостепных районах Прикамья такие комплексы вдруг неожиданно появляются (например, Салиховский и Ахмеровский II могильники).

С сарматской миграцией согласуются и данные лингвистики. В. В. Напольских в отношении контактов местного пермского населения с носителями иранских языков однозначно пишет: «... контакты финно-угорского населения лесной зоны Евразии с лесостепным и степным населением, говорившим на арийских (иранских) языках, были скорее всего непрерывными с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками»³⁶.

Принимая во внимание все перечисленные доводы, мы полагаем, что гипотеза о сарматском проникновении в Верхнекамский регион в конце IV в. представляется весьма убедительной.

Примечания

¹ См.: Schmidt, A. V. *Kačka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.)* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. V.I. Helsingfors, 1927. С. 18.

² См.: Голдина, Р. Д. : 1) Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. С. 252–269; 2) Миграции угров в Европу в I тыс. н. э. // Угры. Тобольск, 2003. С. 58–63; 3) О сходстве материальной культуры погребальных памятников харинского и бахмутинского типов // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 50–53.

³ См.: Останина, Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 180.

⁴ См.: Поляков, Ю. А. Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. 1999. № 1. С. 5.

⁵ Ф. А. Сунгатов пишет о так называемом «тураево-старомуштинско-харинском» населении (См.: Сунгатов, Ф. А. : 1) Гунны в Волго-Уральском регионе // *История татар с древнейших времен*. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань : Рухият, 2002. С. 153; 2) Волгоуральский регион в эпоху тюркских каганатов // Там же. С. 268).

⁶ Азелинская культура включена в анализ как территориально близкая культура, участие которой в генезисе харинских древностей гипотетически возможно.

⁷ В анализ включены не все исследованные погребальные комплексы указанных памятников, а только те из них, которые хронологически относятся к периоду позднесарматской культуры II–V вв. н. э.

⁸ Подробнее см.: Бородкин, Л. И. Методика анализа многомерных иерархических данных / Л. И. Бородкин, И. М. Гарсикова // *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 1. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 87.

⁹ См.: *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 4. Позднесарматская культура. М., 2009. С. 100.

¹⁰ См.: Генинг, В. Ф. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда / В. Ф. Генинг, В. А. Борзунов // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 13. Свердловск, 1975. С. 47.

¹¹ См.: Орлов, А. И. О развитии математических методов теории классификации // *Эконометрика*. 2009. Вып. 416. URL : <http://subscribe.ru/archive/science.humanity.econometrika/200901/12030507.html>.

¹² Таганов, Д. Н. *SPSS : статистический анализ в маркетинговых исследованиях*. СПб. : Питер, 2005. С. 170.

¹³ Монгайт, А. Л. Археологические культуры и этнические общности // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 1. С. 60.

¹⁴ Клейн, Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 395.

¹⁵ В данной публикации мы употребляем термин ‘поздние сарматы’ исключительно в культурно-хронологическом смысле, не отождествляя его с каким-либо конкретным историческим этносом или этносами.

¹⁶ См.: Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура : верхняя хронологическая граница // *Рос. археология*. 2009. № 1. С. 50; Смирнов, К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала // *Археология и этнография Башкирии*. Т. 4. Уфа, 1971. С. 76; Матвеева, Г. И. О происхождении и хронологии памятников салиховского типа / Г. И. Матвеева, С. А. Трибунский // *Российская археология : достижения XX и перспективы XXI в.* Ижевск, 2000. С. 288–289; Васюткин, С. М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // *Совет. археология*. 1986. № 2. С. 194–195.

¹⁷ См.: Васюткин, С. М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа, 1977. С. 87.

¹⁸ См.: Смирнов, К. Ф. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // *Крат. сообщ. Ин-та археологии*. 1966. Вып. 107. С. 43.

¹⁹ Ряд исследователей отмечают наличие в культуре салиховских курганов, наряду с позднесарматским и местным компонентом, определенных тюркских элементов. (См.: Боталов, С. Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время : II–VIII вв. н. э. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 75; Смирнов, К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала // *Археология и этнография Башкирии*. Т. 4. Уфа. 1971. С. 76).

²⁰ См.: Васюткин, С. М.: 1) Салиховский курганный могильник... С. 194; 2) II Ахмеровский курганный могильник... С. 67–89.

²¹ См.: Сунгатов, Ф. А. Приуралье в эпоху великого переселения народов / Ф. А. Сунгатов, Г. Н. Гарустович, Р. М. Юсупов. Уфа, 2004. С. 81.

²² См.: Голдина, Р. Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолаго. Иркутск, 1990. С. 91.

- ²³ См.: Голдина, Р. Д. Указ. соч. С. 162; Сунгатов, Ф. А. Указ. соч. С. 158–159.
- ²⁴ См.: Сунгатов, Ф. А. Указ. соч. С. 36, 45.
- ²⁵ См.: Голдина, Р. Д. Указ. соч. С. 162.
- ²⁶ См.: Смирнов, А. П. Указ. соч. С. 80.
- ²⁷ См.: Овчинников, Ф. В. О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры (к вопросу об истоках культуры харинского типа) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 2004. Вып. 17. URL : <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Ovchinnikov/harino.html>.
- ²⁸ См.: Акимова, М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М. : Наука, 1968. С. 42.
- ²⁹ См.: Мингалев, В. В. Керамика Чазевского I могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 6. Пермь, 2009. С. 60.
- ³⁰ См.: Генинг, В. Ф. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье / В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // Вопр. археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 58–121; Мингалев, В. В. Указ. соч. С. 125–126; Кулябина, Н. В. Бурковский курганный могильник – эталонный памятник эпохи великого переселения народов // Удмуртской экспедиции 50-лет. Ижевск, 2004. С. 173–170.
- ³¹ См.: Мажитов, Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 142.
- ³² См.: Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. С. 169; Матвеева, Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. С. 161.
- ³³ См.: Сунгатов, Ф. А. Указ. соч. С. 81.
- ³⁴ См.: Мингалев, В. В. Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. Вып. 4. Пермь, 2006. С. 52–53.
- ³⁵ См.: Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994. С. 142.
- ³⁶ См.: Напольских, В. В. : 1) Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург, 2007. С. 41; 2) Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань : Рухият, 2002. С. 197.